
ОЛЕГ ЕФИМОВ
КОСТЯНИЦА
ОСТРОВ МЕРТВЫХ ИМЕН
18+

Олег Ефимов

Костянница: Остров мёртвых имён

«Автор»
2026

Ефимов О.

Костянница: Остров мёртвых имён / О. Ефимов — «Автор», 2026

Промозглый северный ветер, запах праха и гниющего камня. Остров, который помнит то, что должно быть навеки забыто. Остров мертвых имен.Здесь границы реальности истончаются, а психологический кошмар обретает осязаемую, физическую плоть. Добро пожаловать в Костянницу. Вас ждет глубокая кинематографичная атмосфера, исключительный саспенс и деконструкция личности на грани безумия. Пристегните ремни, мрак только начинается.

© Ефимов О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловий 5
Глава 1. Запах из подполья 7
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Олег Ефимов
Костянница: Остров мёртвых имён

Предисловий

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ (DISCLAIMER)

18+

Данное литературное произведение содержит сцены насилия, жестокого обращения и детальные описания состояний глубокого психологического дискомфорта (диссоциация, депривация, панические атаки). Категорически не рекомендуется к прочтению лицам младше 18 лет, людям с неустойчивой психикой, повышенной тревожностью или пережившим тяжелые детские травмы.

Персонажи, локации, события и описываемые психологические патологии являются абсолютным авторским вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), фактами или уголовными делами — чистая случайность.

Автор произведения не разделяет взглядов, убеждений и мотивов главных персонажей. Текст не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, не содержит пропаганды насилия, суицида, употребления запрещенных веществ, расовой, религиозной или гендерной нетерпимости. Описанные действия персонажей являются художественными приемами деконструкции личности в рамках вымышленных жанров Нейронуар и Атмосферный сенсо-хоррор.

Описание профессиональных процессов (таксидермия, реставрация и др.) и действий персонажей даны исключительно в художественных целях. Попытки повторения или воспроизведения подобных действий в реальной жизни опасны и преследуются по закону.

Читая данное произведение, вы подтверждаете, что делаете это осознанно, ваш возраст старше 18 лет, и вы полностью понимаете специфику темного психологического триллера.

Посвящается моей маме.

Ты первой слушала мои самые первые, робкие детские рассказы. Ты первой верила в мой талант, когда я только учился складывать буквы в смыслы. Эта книга — твое продолжение во мне. Спасибо тебе за всё.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выход этого романа — важная веха на моем творческом пути, результат долгой работы и творческого поиска. Писательство часто называют уединенным трудом, но за каждой строчкой этой истории стоит поддержка людей, без которых этот текст никогда бы не обрел свою плотную, осязаемую форму.

В первую очередь я хочу сказать спасибо моей Марине. За то, что была рядом на протяжении всего этого долгого и темного пути. За твое безграничное терпение, когда я часами пропадал в чертогах разума, выстраивая сложную геометрию этого хоррора. Твоя поддержка — мой главный якорь и свет.

Огромную роль в моем становлении как автора сыграло писательское комьюнити «Шторм».

Моя глубочайшая, искренняя благодарность моему «темному ректору» — Дарье Шафран.

Дарья, твои лекции стали для меня настоящим компасом в дебрях структуры и атмосферы, а точечные советы и чуткие подсказки помогли выкристаллизовать стиль, не скатываясь в банальные клише. Спасибо за то, что делилась опытом и направляла мой авторский голос.

Отдельное спасибо руководителю комьюнити «Шторм» — Михаилу Лазареву.

Михаил, спасибо тебе за создание этого уникального, мощного направления, за развитие писательства и колоссальную поддержку авторов. Благодаря созданным тобой обучающим платформам и экосистеме «Шторма» мы получаем не просто знания, а настоящую профессиональную опору и среду, в которой хочется расти.

И, конечно, моя бесконечная благодарность моим читателям. Всем, кто читал мои тексты, рассказы, комментировал запуски и следил за развитием моих историй. Ваша обратная связь дала мне понять: классический хоррор, возможно, изжил себя, но Atmospheric Senso-Horror и Neuronoir — живы, востребованы и бьют точно в цель. Этот роман написан для вас. Спасибо, что доверяете мне свои ночные страхи.

Мы сделали это. Роман готов. Пристегните ремни, мрак только начинается.

Глава 1. Запах из подполья

Стежок. Еще один. Нить уходила в мездру мягко, без натяжения, бережно обходя источенный временем, трухлявый край, готовый в любую секунду лопнуть и выпустить наружу серую костную муку.

Мужчина работал молча, чуть наклонившись над верстаком из тяжелого темного дуба. Под косым, мертвенно-белым лучом хирургической лампы жесткий барсучий мех отливал маслянистым черным глянцем. В кабинете стоял тот глубокий, почти абсолютный покой, какой бывает только в операционных или склепах — густой воздух, насквозь пропитанный спиртом, вываренным крахмалом и резким, чистым формалином. Здесь не было места хаосу. Вдоль стены на магнитной ленте застыли инструменты, выстроенные строго по росту — от массивного костяного ножа до крошечных зажимов. Ни песчинки на полках, ни единого лишнего предмета на виду. Только маятник старых часов на стене мерно резал тишину, отсчитывая секунды этого стерильного, застывшего мира.

Длинные, сухие пальцы мужчины двигались с автоматической, механической точностью. Вдох — на четыре счета. Выдох — на четыре счета. Внутри него работала привычная, выверенная годами внутренняя дисциплина. Он презирал местных охотников, которые приносили ему испорченный материал. Все они были тупыми, шумными скотами, которые палили в упор, не зная грации смерти. Дробя кости, заливая великолепный, чистый мех лисиц или барсуков горячей кровью, они рушили эстетику, превращая симметрию живого существа в уродливое, разорванное месиво. Эти недотепы уничтожали форму. А мужчина её возвращал. К нему везли заказы из столицы, потому что только он умел укротить тление и подарить мертвой плоти бессмертие. Он создавал стазис. Олицетворял состояние покоя.

На мгновение он поднял голову от работы, чтобы переменить пинцет.

Его взгляд скользнул по идеальной линии выстроенных зажимов, задержался на мгновение на белой стене, и в эту секунду ледяной покой комнаты стал удушливым. Воздух не просто изменился — он сгустился, потяжелел, словно в вентиляцию хлынул ядовитый, кислый чад. Белый свет лампы вдруг показался неестественно блеклым, а из углов, просачиваясь сквозь безупречную чистоту дубового паркета, пополз густой, осязаемый запах промерзшей земли, прогорклого свиного жира и коричневого мыла. Тот самый запах, который невозможно выветрить из памяти. Вместе с ним в уши ударил протяжный, до боли знакомый скрип гнилого дерева, и в ту же секунду тупая, разрывающая боль эхом из прошлого выстрелила мужчине прямо в затылок.

Это был голос его бабки, который сорвал с реальности последнюю чистую ширму.

Реальность мастерской треснула, осыпаясь в темноту, как гнилая штукатурка. Мужчина уже не видел верстака. Пространство мастерской плавно, беззвучно, покатилось вниз, проваливая его в июль девяносто шестого года. Лампа превратилась в далекую, едва заметную щель в потолке, а вместо полированного дуба под коленями очутилась рыхлая, сырая земля, щедро перемешанная с гашеной известью. Он снова был там, на самом дне душного подпола.

Прогнившие, черные бревна нависали над самой его головой, с них непрерывно капала склизкая, ледяная вода, попадая за ворот холщовой рубахи и стекая по позвоничнику жгучими струйками. Едкая белая взвесь извести поднималась от каждого робкого движения мальчика, забивалась в ноздри, выжигала слизистую гортани до кровавых трещин и оседала на губах вкусом горького, сухого мела. Дышать было больно. Грудь стягивало железным обручем, а маленькие пальцы были стерты до крови о земляные комья в попытках откопать глоток чистого воздуха.

Каждый раз, когда он оказывался здесь, это была маленькая смерть. Бабка запирала его за любую помарку: за неровно поставленную кружку, за слишком громкий вздох, за детскую улыбку, которую она считала «бесовской суетой».

Грузный. Сутулый. Черный силуэт Агриппины Токаревой возвышался на первой ступени лестницы, перекрывая блеклый луч света из кухни. От нее пахло кислым потом, застарелой немощью, пережаренным салом и мертвечиной, а взгляд въедался в самые отдаленные уголки его чистого сознания. Мальчик снизу вверх смотрел на ее тяжелое, изрытое морщинами лицо. В ее глазах не было злости — там была страшная, фанатичная пустота, которая пугала сильнее любого крика. В руке она сжимала тяжелый деревянный рубель для белья, покрытый зазубринами.

— И сиди тут, маленький негодник, ты весь пропитан грехом, от тебя один шум да скверна! — проскрипел фантом старухи, и Николай в будущем снова до боли сжал зубы, чувствуя, как пульсирует затылок. — Замри. Известь сама в тебя войдет, нутро твое гнилое выбелит. Жизнь — это гниль, Николка, суета одна перед геенной. Каменей давай. Не шевелись, тварь. Безгрешен только тот, кто не двигается.

Тяжелое дерево рубеля с глухим, сочным хрустом опустилось на худую детскую лопатку. Боль была такой острой, парализующей, что мир на секунду погас, окрасившись в глянцевый, рубиновый цвет. А потом пришло спасительное онемение. Ледяной, мертвый покой. Мальчик упал лицом в известь, не смея даже заплакать — за плач подполье продлевали еще на сутки. На серой земле, прямо перед его глазами, извивался раздавленный дождевой червь. Он дергался хаотично, уродливо, пачкая известковую белизну пола своей влажной, слизистой изнанкой. Маленького Николку затошнило от этого бессмысленного, конвульсивного движения. Живое существо пыталось бороться, но эта борьба делала его отвратительным. Мальчик протянул дрожащую руку, прижал червя пальцем к грунту и держал, затаив дыхание. Из последних сил. Секунда. Пять. Десять. Когда червь наконец затих, превратившись в прямую, неподвижную, безупречную струнку, Николка почувствовал дикое, почти религиозное удовлетворение. Ужас перед бабкой отступил. Внутри воцарился абсолютный покой. Тогда, в темном сыром гробу подполья, ребенок понял великую тайну: контроль и безопасность обитают только там, где прекращается движение. Единственный способ спасти вещь или человека от ужаса и боли мира — это заставить их замереть навсегда.

Мужчина резко открыл глаза.

Белый свет бестеневой лампы вернулся, но взгляд его изменился полностью. Живые, спокойные зрачки ремесленника дрогнули, расширились до самых краев радужки и мгновенно остекленели, превратившись в два плоских, черных провала. Вся человеческая мимика стерлась с его лица, словно кожу натянули на череп из сухой извести. В глазах застыла та самая глухая, застарелая детская боль, которая в секунду вымораживала из него человека, оставляя лишь каменную маску хищника. Он не мигал. Он смотрел сквозь куклу, сквозь верстак, прямо в черную пасть своего прошлого.

Диссоциация раскололо его сознание: включился защитный, хищный механизм. Мозг, спасаясь от фантома бабки, требовал немедленно навести порядок в реальности. Чтобы заглушить этот удушливый запах мыла, чтобы прекратить скрип в ушах, ему был необходим новый объект для фиксации. Живой, шумящий хаос, который он обязан был укротить, выпрямить и превратить в идеальный, безопасный покой.

Николай швырнул инструмент на верстак, сорвал с себя чистый фартук и быстрыми, длинными шагами вышел из мастерской в сырые, серые городские сумерки. Ментальные капканы прошлого тащили его по улицам, и зубы его были сжаты до крошева.

***

Город умирал под слоем серой измороси. Осенний воздух был пропитан холодом, сыростью и запахом мокрого бетона. Фонари у полосы отчуждения железной дороги горели через

один, выхватывая из темноты куски мокрого асфальта, ржавые рельсы и угольный шлак железнодорожной насыпи. Лужи покрылись тонкой масляной пленкой, в которой уродливо дрожало отражение серого неба.

Звуки мира доносились до Николая словно сквозь толщу грязной воды. Шаги редких прохожих, далекие гудки электричек, свист ветра в сухих кустах репейника — всё уплостилось, потеряло объем. В режиме диссоциации его рацио сузилось до размеров оптического прицела. Он больше не чувствовал холода, пробивающего легкое пальто. Он превратился в идеальный, заведенный механизм, выслеживающий дефект в геометрии улиц.

Он вел её уже три квартала.

Молодая девчонка. Она шла быстро, почти бежала, испуганно оглядываясь по сторонам и сильнее кутаясь в воротник легкого пальто. Она спешила уйти из этого глухого, заброшенного индустриального аппендикса. На ней было нарядное, яркое платье изумрудного цвета — видимо, возвращалась с какого-то праздника. Этот сочный зеленый подол при каждом ее торопливом шаге колыхался хаотично, неритмично, уродливо ломая строгие, прямые линии железнодорожной насыпи и серых бетонных заборов. Этот подол бесил Николая до физической тошноты. Девчонка была грязной, кричащей помаркой на холсте его реальности. Дышащая, шумящая, паникующая энтропия. Она оставляла за собой шлейф теплого, живого дыхания, которое таяло в холодном воздухе. Это нужно было исправить.

Возле старого пешеходного моста через пути девчонка на секунду остановилась. Из кустов выскочила бродячая собака, заставив её вскрикнуть и отшатнуться. Этот резкий, рваный звук стал финальным триггером.

Три длинных, абсолютно бесшумных шага. Николай нагнал ее со спины, как наползающая на стену тень.

Правая рука в плотной, жесткой коже намертво зажала ей рот, вдавливая губы в зубы и ломая крик на самом взлете. Левой он профессионально, коротким и выверенным движением выкрутил ее запястья за спину, лишая возможности сопротивляться. В его действиях не было ни капли похоти, ни грамма животного, полового насилия, которое осквернило бы саму медицинскую чистоту его замысла. Похоть — это хаос, грязь, новые выделения и разрыв формы. Николай презирал грязь. Для него это был исключительно акт высшей, стерильной реставрации, избавление материала от страданий жизни.

Звуки города выключились для него полностью. Наступила ледяная, глухая сенсорная депривация. Остался только один звук в этой вселенной — сухой, свистящий хрип в ее зажатом горле и дикий, безумный стук ее сердца, который передавался через его ладони.

Николай швырнул ее на маслянистый песок насыпи, намертво придавив тяжелыми коленями ее ребра. Земля под ними была ледяной, пропитанной мазутом.

Атмосфера вокруг мгновенно обросла соматическим, пронизывающим холодом. Девчонка отчаянно, дико задергалась под ним, извиваясь всем телом, точно тот самый дождевой червь в подполе девяностых. Ее пальцы в кровь царапали жесткий рукав его куртки, ногти ломались о плотную ткань. Глаза её округлились от первобытного, нечеловеческого ужаса. В их расширенных, влажных зрачках тускло и зловеще замигал далекий красный семафор, окрашивая ее лицо в рубиновые тона. Она пыталась сделать вдох, но кожаная перчатка Николая перекрывала воздух, заставляя легкие гореть. Этот холод смерти, выползающий из земли, железной хваткой сжимал её горло. Она видела над собой лишь каменное, абсолютно непроницаемое лицо мужчины с пустыми, стеклянными глазами рептилии. В этих глазах не было жалости, не было злорадства — там была пугающая пустота вечности. Девчонка поняла, что её крики никто не услышит. Что этот серый пустырь стал её персональным гробом. Холод сковал её изнутри быстрее, чем гипоксия.

Николай смотрел на нее сверху вниз, методично фиксируя фазы угасания хаоса.

Конвульсия. Дикий толчок. Ослабление. Спад.

Ее пульс под его пальцами на сонной артерии замедлялся, подчиняясь его воле. Секунда за секундой. Движения становились пористыми, слабыми, пока тело наконец полностью не подчинилось спасительному покою. Она замерла. Застыла. Приняла идеальную, предсказуемую и послушную форму. Глаза остались открытыми, но теперь они были чистыми и неподвижными, как стеклянные пуговицы.

Багровое, рубиновое марево в глазах Николая начало медленно бледнеть. Запах бабкиного мыла исчез, уступив место сырости осенней земли и запаху железа. Он аккуратно, стараясь не порвать изумрудную ткань, оттащил неподвижное тело вглубь заброшенного дренажного колодца, засыпав его сверху угольным шлаком и битым кирпичом. Временное хранилище. Первая деталь его будущего идеального склепа была готова. Она больше не будет шуметь. Она больше не причинит никому вреда. Она спасена от гниения жизни.

***

Тумблер щелкнул обратно. Навождение отпустило полностью.

Николай Токарев вернулся в мастерскую ближе к полуночи. На его вещах не было ни соринки, дыхание оставалось ровным, пальцы не дрожали. Его социальный фасад снова был монолитен и безупречен. Ни один человек в мире, взглянув на этого вежливого, суховатого реставратора, не разглядел бы в нем изверга.

Мастерская приняла его привычным, усыпляющим теплом. Мужчина двигался без суеты, с той леденящей душу будничностью, словно всего полчаса назад он выходил на обычную вечернюю прогулку за сигаретами. Ладонь привычно легла на сиденье табурета, пальцы потянулись к верстаку и бережно, почти ласково приняли вес неоконченной работы. Черный мех барсука под лучом лампы выглядел безмятежным. Тонкий стек скользнул по заготовке, сантиметр за сантиметром расправляя жесткие, спутавшиеся ворсинки вокруг неподвижного стеклянного глаза зверя.

— Вот так, — тихо прошептал он в звенящую тишину кабинета. — Теперь всё правильно. Теперь всё под контролем.

Он спокойно взял иглу, чтобы сделать финальный узел на брюшке барсука, как вдруг тишину мастерской прошил посторонний, чужеродный звук.

Это не было тиканьем часов. И не скрипом половиц от ветра.

Из глубокого, глухого подвала — туда, куда Николай еще даже не спускался сегодня, где стояли лишь пустые стеллажи, запертые чаны и дубильные растворы, — донесся отчетливый, размеренный звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.